

Заметив, как бережно и ласково Янь Уши относится к Шэнь Цяо, Руру не могла не улыбнуться понимающе. Девушка долгое время заботилась о Шэнь Цяо, и восхищалась его манерами и нравственностью. Она считала, что Мастер очень хорошо относится к мужчине. Однако лишь Шэнь Цяо знал, с каким трудом ему удалось проглотить этот кусочек цукатов. Казалось, то выжигает в его животе дыры. Мужчина хотел бы выплюнуть его, но это не соответствовало бы тому Шэнь Цяо, которым он был. Потому, ему пришлось проглотить этот кусочек, и лишь после этого ему показалось, что лекарство было сегодня намного горше, чем обычно. Не помогли даже цукаты.

Янь Уши подпер подбородок ладонью и с улыбкой смотрел на него. Заметив, что мужчина готов отвернуться от него, он наконец неспешно произнес:

— Сегодня я был во дворце на аудиенции у Императора Чжоу. Он просил передать, что желает видеть тебя.

Шэнь Цяо опешил. Ему действительно удалось отвлечься от горького лекарства, мужчина посмотрел на собеседника.

— Видеть меня?

Янь Уши только кивнул.

— Завтра утром я возьму тебя во дворец. Император встретиться с тобой около 8 часов, сразу после заседания суда.

— Я сейчас все равно, что сельский простолюдин. Знает ли глава школы Янь причину такой заинтересованности Императора во мне?.

— Ты можешь предположить.

Шэнь Цяо знал, что у его собеседника вредный характер, и просто так тот не ответит. Так что он действительно задумался о возможных причинах.

— Я присутствовал на дне рождения в резиденции Су только вчера. Император никак не мог узнать об этом событии. И о том, что я дрался там с Дуань Вэньяном. Единственная причина, это гора Сюаньду. Возможно, это потому, что Юй Ай получил приглашение от Тузцуэ. Не смотря на то, что Северная Чжоу и Тузцуэ являются союзниками и даже заключили политический брачный союз, они никогда не доверяли друг другу и постоянно посылают шпионов, чтобы собирать информацию. Император желает, чтобы я сделал что-то?

— Ты такой умный! – Янь Уши хлопнул в ладоши. – Видишь, даже если я тебе ничего не скажу, ты сам обо всем способен догадаться.

Шэнь Цяо нахмурился.

— Что Император хочет от меня?

— Ты узнаешь об этом, когда придешь туда завтра. Но до этого, тебе нужно кое-что сделать.

Шэнь Цяо покачал головой.

— Я не смогу помочь ничем, если это что-то аморальное.

— О чем ты думаешь?

Янь Уши усмехнулся. Его пальцы скользнули по лицу Шэнь Цяо, в конце концов касаясь его губ.

Шэнь Цяо не успел отвернуться. Его губы были слегка шероховаты и немного покраснели. Только удовлетворив свое любопытство, Янь Уши продолжил:

— Гора Суаньду процветала в период Цинь-Хань. Я слышал, что первым главой школы был странствующий даос, который особенно умел предсказывать судьбы людей по голосам. Даже Суй Фу был когда-то его учеником.

Шэнь Цяо рассмеялся.

— Простые люди любят болтать попусту и придумывать небывицы. Я не знаю, был ли основатель школы в родстве с гуном Мингчи, но предсказания и гадания действительно являются важными навыками для даосских школ. Так называемое гадание по голосу человека только звучит, как невероятно сложный продвинутый навык. На самом деле, если вы знакомы с основами, это не покажется вам слишком сложным. На голоса людей влияет состояние их тела. Например, если легкие наполнены теплом* голос будет низким и хриплым, будто человек говорит, закрыв рот рукой. Такие вещи не сложно определить, если вы знакомы с медициной и боевыми искусствами.

Как только Шэнь Цяо заговорил об этом, Янь Уши догадался, что тот изучал это раньше.

— Я хочу, чтобы ты послушал голос Ювэнь Юна.

Шэнь Цяо нахмурился.

— Во внутреннем императорском дворце должно быть достаточно мастеров-целителей. Самый основной принцип в медицине – это смотреть, слушать, спрашивать и определить пульс перед

тем, как ставить диагноз. Если Император Чжоу действительно болен, разве могло случиться так, что никто из целителей этого не заметил? Мне очень жаль, но моих навыков определенно недостаточно, чтобы сделать больше.

Янь уши покачал головой.

— В ранние годы Ювэнь Юн видел, как Ювэнь Юй был отравлен придворным врачом, которого подкупил Ювэнь Ху. С тех пор он категорически против врачей. Ему нелегко вызвать лекаря, даже когда он болен. Однако, он управлял страной и государством день за днем, и многие болезни вросли в его организм. Боюсь, что его тело уже повреждено. У меня есть некоторые предположения, но я все же хочу, чтобы ты его послушал.

Шэнь Цяо подумал несколько минут и кивнул, соглашаясь.

— Тогда хорошо.

На лице Янь Уши появилась улыбка.

— Мой А-Цяо лучший!

Шэнь Цяо ничего не ответил. Янь Уши кивнул.

— У меня есть для тебя подарок.

Хлопнув в ладоши, он вызвал одного из слуг.

— Мастер, чем я могу быть вам полезен?

Янь Уши бросил коротко.

— Принеси из моего кабинета футляр с мечом.

Слуга кивнул. Вскоре он вернулся с футляром в руках, протягивая его обеими руками мужчине. Янь Уши взял его и провел ладонью по всей длине. Затем он улыбнулся и вложил его в руки Шэнь Цяо.

Шэнь Цяо несколько смутился. Он ощупал предмет, находя небольшой замок на футляре, открыл его и коснулся меча внутри. Когда его пальцы скользнули по лезвию, и сердце замерло в груди.

— Меч Скорбящих Небес?!

— Тебе нравится?

Янь Уши довольно улыбался.

— Я действительно искренне благодарен главе школы Янь, что он позаботился об этом.

После того, как Шэнь Цяо упал со скалы и пришел в себя, Шаньхэ Тунбей оставался лишь в его воспоминаниях. Когда он спросил об этом Юй Шэньяна, тот ответил очень расплывчато, поэтому мужчина больше не спрашивал об этом. В конце концов, меч не обязательно был в руках Янь Уши. Он ведь мог потерять его при падении. Даже если тот был у Янь Уши, Шэнь Цяо было бы стыдно использовать его в том состоянии.

Но как он мог не радоваться тому, что меч снова в его руках? Его учитель дал ему этот меч, когда Шэнь Цяо было семь лет, и с тех пор он не выпускал его из рук. Где бы он ни был, куда бы не шел, меч всегда был с ним. Для Шэнь Цяо это было намного больше, чем просто меч. Держа в руках Шаньхэ Тунбэй, мужчина поглаживал его кончиками пальцев. Его радость была настолько очевидна, что даже лицо слегка сияло, будто он был фигуркой, вырезанной из белого нефрита.

Всем нравятся красивые люди. И Янь Уши не был исключением. И хотя он не испытывал никаких нежных чувств к этому человеку, ему ничего не мешало наслаждаться этим видом. Он тут же начал дразнить Шэнь Цяо.

— Улыбнись так еще.

Шэнь Цяо растерянно моргнул. Улыбка исчезла с его лица, и он даже поджал губы. Заметив это, Янь Уши нехотя остановился, переставая его дразнить.

— А-Цяо, кому ты показываешь это кислое лицо? Я вернул тебе меч в целостности и сохранности. Как ты собираешься меня отблагодарить за это?

Шэнь Цяо за столько времени общения с ним уже выучил некоторые приемы хитрости.

— Я думал, глава школы Янь вернул мне меч, потому что я согласился пойти с вами во дворец на встречу с Императором.

Янь Уши рассмеялся, снисходительно качая головой.

— Хорошо, как скажешь.

Шэнь Цяо никак не отреагировал на его вызывающее поведение. Он переключился на другую тему.

— Мои основные меридианы повреждены. Как вы и сказали, даже с помощью силы Стратегии Багрового Ян будет чрезвычайно сложно восстановить их. Однако, я не собираюсь разрушать свое Даосское Сердце, чтобы пойти по пути демонических школ. Если вы хотите видеть во мне своего противника, то этого не случится еще как минимум лет восемь-десять. Если глава школы Янь позволит, я бы хотел покинуть Северную Чжоу после встречи с Императором.

Янь Уши не воспринял его всерьез.

— Куда еще ты можешь пойти, если покинешь Северную Чжоу? Без моей защиты, столкнешь ты с группой, и единственное, что сможешь сделать в своем нынешнем состоянии, это отдалиться на милость им.

Шэнь Цяо покачал головой.

— Есть множество способов, практиковать даосизм. Но в конечном итоге, они ведут по двум путям: отрешиться от мирских забот и уединиться в горном храме, или пройти по миру, сталкиваясь со всеми испытаниями греховной жизни простых людей. Раз уж я решил найти свой Путь среди мирской суеты, мне следует испытать все тяготы и принять все муки, что скрывает человеческая натура развращенная желаниями. Только так я смогу достичь своей цели. Сейчас я еще слаб, и не могу придумать, как защитить себя. Но если я все время буду полагаться только на защиту главы школы Янь, чем это будет отличаться от заточения на горе Суаньду?

Это просто был один из способов. Он и так уже опустился на самое дно, утопая в грязи. На него смотрели с презрением, его могли унижить и оскорбить. И все же он продолжал бороться, поднимаясь снова и снова, чтобы идти дальше по своему пути. Предательство со стороны тех, кого он считал семьей и друзьями, доброта, что вознаграждалась враждебностью и подлостью — казалось, он ничего не оставлял в своем сердце.

Это действительно... заставляло людей унижать его снова и снова, желая добраться до предела, увидеть сколько он сможет еще терпеть, прежде чем сломается, погружаясь в пучину отчаяния. Разве его красивое лицо, перекошенное болью и в слезах, жалобно умоляющее о пощаде не станет еще прекраснее?

Янь Уши рассмеялся.

— Я не стану останавливать тебя, если ты решишь уйти. Но предлагаю немного подождать. Чжоу и Чэнь решили заключить союз. Институт Линьчуань сопровождали посла Чэнь. Теперь Император Чжоу желает отправить своего посла в Чэнь с ответным визитом. Он боится, что Ци вмешается и попытается помешать. Поэтому попросил школу Хуаньюэ сопроводить посла к месту назначения. Я собирался переложить эту миссию на плечи Бянь Яньмэю, но решил пойти сам, чтобы встретиться с Руанем Кэхуи. Глава всех конфуцианских школ, один из трех лучших Мастеров боевого мира, собирается встретиться со мной в поединке. Разве ты не желаешь увидеть это собственными глазами?

Каким бы безразличным не выглядел Шэнь Цяо, он не мог устоять перед таким искушением. Он определенно заинтересовался.

— Вы уже послали письмо-вызов Мастеру Руаню?

— Зачем мне письмо?

Янь Уши усмехнулся.

— А-Цяо, ты совершенно не конфликтный человек. Но неужели ты считаешь, что в мире все такие? Если Руань Кэхуи знает, что я буду к югу от реки Янцзы, как он может не попытаться встретиться со мной? Если он победит меня, это значительно повысит его репутацию, если я проиграю ему, это так же серьезно обрушит репутацию школы Хуаньюэ, а наше влияние в Северной Чжоу ослабнет. У многих появится отличная возможность воспользоваться этим, не важно, в поисках ли славы и богатства или же в попытках подорвать доверие Ювэнь Юна ко мне. И кто знает, сколько людей захотели бы принять участие в таком выгодном и прибыльном деле!

Шэнь Цяо подумал и согласился. Не смотря на то, что он не одобрял манеру поведения Янь Уши с вещами и людьми, он не мог не восхищаться его навыками в боевых искусствах. В легком нетерпении он тут же отозвался:

— Поединок двух великих мастеров боевого мира - это определенно то, чего все с нетерпением ждут. Если весть об этом распространиться заранее, какое бы вы место не выберете для поединка, даже самый глухой лес или самую высокую гору, они будут забиты людьми, лезущими друг другу на головы в желании посмотреть этот поединок.

Но Янь Уши просто не мог не подразнить его, с ехидной усмешкой.

— О, ты имеешь ввиду, как в тот раз, когда ты сражался с Кунье на Пике Полушага? Ты тогда проиграл и потерял лицо, весь мир тут же узнал об этом.

Этот человек все же оставался довольно жестоким. Шэнь Цяо тут же закрыл рот и больше не стал ничего говорить.

Янь Уши рассмеялся.

— Ну, это не такая уж и плохая идея. Ученые-конфуцианцы очень любят читать всем длинные лекции с бесконечно возвышенными речами. Меня невероятно раздражает этот болтливый Руань Кэхуи. Если я одержу победу, то смогу заставить его поклясться перед всеми, чтобы он никогда больше не занудствовал и не утомлял своими речами. Он, вероятно, предпочел бы, чтобы я его убил!

Рано утром следующего дня Шэнь Цяо последовал за Янь Уши во дворец.

Император Чжоу даже принял во внимание слепоту Шэнь Цяо. Он отправил за ними карету, чтобы они смогли добраться без всяких проблем прямо в Зал Цяньань. Благодаря этому они смогли избежать задержек и длинного пути от ворот к главному залу.

Фактически, Центральные равнины находились в состоянии войны еще со времен падения империи Хань. Во-первых, это был хаос периода Троецарствия, и вскоре после того, как династия Цинь объединила земли, снова вспыхнула война, вынудившая Цинь переместить свою столицу на юго-восток. После этого было еще сто лет постоянных столкновений между Шестнадцатью Королевствами. Это истощало правителей, у них не было ни ресурсов, ни рабочей силы, чтобы строить большие дворцы. Никто не знал, когда они снова подвергнутся нападению. Те правители, что имели определенные достижения, часто вкладывали ресурсы в войну, чтобы захватить больше земель и ресурсов, точно так же, как это делали остальные императоры Северной Чжоу до этого. Это привело к тому, что дворец Северной Чжоу был довольно небольшим.

Репутация нынешнего императора Чжоу Ювэнь Юна была довольно противоречивой. Он вел простой образ жизни и заботился о своем народе, но в то же время не доверял чиновникам, с которыми был достаточно суров. Придя к власти, он запретил и буддизм, и даосизм. Позже он так же отвернулся и от конфуцианства, обращая свой взор на школу Легалистов, которая постепенно приходила в упадок после кончины императора У Хань. В то же время, он так же полагался на школу Хуаньюэ, чтобы обезопасить свою позицию, за что подвергался критике со стороны многих людей. Когда Шэнь Цяо покинул гору Сюаньду, по пути он слышал много как хвалебных слов, так и критики в адрес Ювэнь Юна, и последнего было больше, чем первого.

Поэтому, когда Ювэнь Юн вежливо пригласил его в Зал, Шэнь Цяо колебался. Император спросил его:

— Я слышал, что господин Шэнь много страдал, пока путешествовал среди простых людей. Я уверен, вы стали свидетелем многих трудностей и невзгод, что наполняют их жизни. И мне интересно, каким я предстаю в их глазах?

Ему было сложно ответить на такой вопрос. И все же Шэнь Цяо решил сказать правду.

— Есть похвалы, но есть и критика.

Ювэнь Юн рассмеялся.

— За что меня хвалят? И за что критикуют?

Шэнь Цяо спокойно ответил:

— Они хвалят Ваше Величество за то, что вы отстаиваете простоту вместо роскоши, и еще за устранение коррупции. Тем не менее, есть люди, которые критикуют Ваше Величество за искоренение буддизма и даосизма, за жестокое обращение с народом и продвижение военного дела.

Ювэнь Юн снова спросил:

— Господин, вы были главой школы Сюаньду. Поскольку я запретил буддизм и даосизм, я тоже являюсь вашим врагом. Разве вы не ненавидите меня за это?

Его вопросы были жестокими и прямолинейными, и Янь Уши холодно наблюдал за разговором, нисколько не пытаясь помочь Шэнь Цяо.

— Могу ли я спросить у Вашего Величества, почему вы запретили буддизм и даосизм? – поинтересовался Шэнь Цяо.

Ювэнь Юн объяснил ему свою позицию.

— Люди, что слепо верят в буддизм и даосизм, часто жертвуют все свои деньги в храме, а после бездельничают, надеясь на удачу и светлое будущее после перерождения. Буддийские и даосские храмы собирают огромные суммы на пожертвованиях. Так же они берут под свое крыло фермеров и земли, помогая им уклоняться от Багрового государства, и собирают выращенное на полях зерно в свои закрома. Если так будет продолжаться, государство не сможет собирать достаточное количество зерна в долгосрочной перспективе. В то время как даосские и буддийские храмы будут набирать силу и власть, что может привести к беспорядкам в дальнейшем. Это может стать повторением истории шестидесятилетней давности, когда один человек провозгласил себя новым Буддой, что привело к восстанию.

С давних времен императорская власть имела большее влияние над религиями. Как только религия становилась достаточно влиятельной, чтобы угрожать власти Императора, правительство принималось запрещать практики и закрывать школы. На этот раз даосизм попал под перекрестный огонь. Ради предотвращения будущих проблем Ювэнь Юн запретил и буддизм, и даосизм в целом.

Что касается конфуцианства, Ювэнь Юн изначально постановил, что конфуцианство будет занимать первое место среди трех школ. Однако, когда он отправил письмо с личным приглашением Руань Кэхуи прочитать лекцию в Чанъане, тот вежливо отказал ему. Этот поступок сильно разозлил Ювэнь Юна, и он прямо запретил конфуцианство вместе с другими религиями, успешно оскорбив все три школы.

Закончив, Ювэнь Юн посмотрел на Шэнь Цяо.

— Господин из даосской школы, вы тоже считаете, что я поступил неправильно?

— Дао, как вода, приносит пользу всем живым существам, не оставляя себе ничего. Закон Дао — быть тем, кем он является. Люди, что следуют закону Дао, должны смягчить свой взгляд, объединяясь с общим. Только те, кто подчиняется естественному порядку вещей и разделяет чувства с другими людьми, могут достичь настоящего Дао.

Другими словами, те даосы, что преследуют свои цели, обогащаясь сами за счет других людей, считались отбросами среди даосских школ. Они не являлись настоящими представителями даосизма.

Взгляд Ювэнь Юна смягчился, когда он увидел, что Шэнь Цяо отличается от других даосов, с которыми он общался. Они всеми способами пытались выступить против запрета на даосизм, позиция же Шэнь Цяо была простой и понятной, а отвечал он без колебаний.

Ювэнь Юн улыбнулся.

— Я слышал о горе Сюаньду уже давно, но только сейчас мне посчастливилось встретить Мастера. Как и ожидалось, вы полностью оправдываете свою репутацию. Каждый день я слышу, как последователи школ говорят от имени буддизма и даосизма, но считаю, что им обязательно стоит послушать ваши слова, сказанные только что! То, что я стремлюсь разрушить — это лишь мошенники, и хвастуны, что пытаются нажиться за счет других, прикрываясь именем религии. Это не настоящий даосизм. Эти люди не приносят пользу стране и народу. Лучше уничтожить их раньше, пока не стало слишком поздно!

Его слова звучали крайне воинственно.

Шэнь Цяо было нелегко ответить Императору. Хотя он не был таким вот вороватым даосом, он все же верил в даосизм, и поэтому не мог поддержать настолько агрессивные слова Ювэнь Юна.

Император и не ожидал от него лестных слов. Он посмотрел на Шэнь Цяо.

— Когда я увидел господина Шэня, я почувствовал, будто мы с вами старые друзья. Ваши взгляды достойны восхищения. Я хочу помочь Мастеру восстановить фундамент даосизма и создать новую даосскую школу. Что вы думаете по этому поводу?

— Этот бедный даос не понимает, что имеет ввиду Ваше Величество. — ответил Шэнь Цяо. — Ваше Величество, пожалуйста, объясните это подробнее.

Ювэнь Юн всегда был прямолинейным и решительным человеком. Он не любил ходить окольными путями.

— Младший наставник Янь уже сообщил мне, что вы не потерпели бы поражение на Пике Полушага, если бы не стали жертвой предательства. Если это так, то Пурпурный дворец горы Сюаньду не имеет права свергать вас и лишать должности главы школы. Даже если там нет для вас места, всегда найдутся другие места, где вас будут рады видеть. Поскольку господин Шэнь не мог остаться на горе Сюаньду, почему бы вам не создать новую даосскую школу горы Сюаньду здесь, в Чанъане? Я уверен, с вашим превосходным талантом, вы будете сиять, где бы вы не находились.

Шэнь Цяо наконец понял, о чем речь, и сильно удивился. Ювэнь Юн говорил об этом так прямо. Он желал, чтобы Шэнь Цяо основал школу в Чанъане, создавая еще один Пурпурный дворец, подобный тому, что был на горе Сюаньду. Изначально именно он был главой школы, назначенным самим Ци Фэнгэ. Никто бы не смог сказать, что он был фальшивкой.

Однако, если появится второй Пурпурный дворец и новая даосская школа, основанная Шэнь Цяо, они будут конфликтовать с горой Сюаньду по всей стране, постоянно пытаясь доказать свое превосходство.

Ювэнь Юн открыто говорил, что у Шэнь Цяо будет поддержка императорского дворца. Однако, эта помощь точно не будет бесплатной. Новая школа Шэнь Цяо была бы слабой с момента основания, а потому им пришлось бы постоянно полагаться на поддержку дворца. Следовательно, Ювэнь Юн собирался использовать Шэнь Цяо, чтобы через него укрепить свою позицию и влияние в даосских школах.

Конечно, Шэнь Цяо так же получит выгоду. Если он согласится, он сразу встанет на один уровень с другими школами. Янь Уши больше не смог бы обращаться с ним, как с игрушкой в собственных руках.

Он снова перевел взгляд на Янь Уши. Эта ленивая, расслабленная поза могла принадлежать только главе школы Хуаньюэ. Выражение его лица было таким же расслабленным, как и его поза, а с губ не сходила улыбка, будто слова императора не представляли для него никакой угрозы. Вместо этого он, казалось бы, очень заинтересовался ответом Шэнь Цяо.

Шэнь Цяо не стал думать слишком долго, и прямо посмотрел на Ювэнь Юна.

— Я благодарен Вашему Величеству за оказанное доверие и предложение, но мое воспитание не позволит мне принять его. Боюсь, я не могу оправдать ваши ожидания.

Ювэнь Юн был одновременно поражен и раздосадован. По его представлениям, даже если бы Шэнь Цяо и понимал, что через него император желает укрепить свою позицию, для него самого это так же было более чем выгодно.

Тем временем Янь Уши только фыркнул.

— Я давно говорил Вашему Величеству, что мой А-Цяо настоящий драгоценный нефрит,

который скорее сломается, но не согнется. Он никогда не примет предложение Вашего Величества. Но вы мне не поверили, и даже решили сделать ставку на это! Теперь, когда Ваше Величество проиграл, что вы будете с этим делать?

— Я не понимаю! - Ювэнь Юн был обескуражен. - Мастер настолько глубоко пал, что не желает взять себя в руки и подняться снова? Вы действительно готовы отказаться от горы Сюаньду, позволяя всем смотреть на вас с презрением и считать бесполезным?

Шэнь Цяо ответил лишь короткой улыбкой.

Каким бы недовольным Ювэнь Юнь не был, он не мог позволить себе арестовать кого-то только потому, что его предложение не приняли. Потому ему пришлось лишь сдаться.

— Не важно. Мастер, не спешите с ответом и обдумайте это. Если вы когда-либо пожалеете о своих словах сейчас, можете прийти ко мне в любое время. - Затем он посмотрел на Янь Уши. - Для младшего наставника нет недостижимых сокровищ. Единственное, что можно считать по настоящему драгоценным в этом дворце — это том Стратегии Багрового Ян. Но вы уже ознакомились с ним, как же остальное может быть более драгоценным? Почему бы вам не позволить мне организовать для вас обоих обед, чтобы выйти из этой ситуации?

Из-за его вызывающего агрессивного характера он редко мог разговаривать с кем-то в такой небрежной форме. Единственная причина, почему он так мог обращаться с Янь Уши, заключалась в том, что его собеседник был таким же влиятельным человеком, как и он сам. Ювэнь Юн знал это и восхищался им, поэтому он относился к Янь Уши с большим уважением, чем к своим придворным советникам.

Янь Уши и Шэнь Цяо пообедали во дворце перед отъездом. Когда они вышли за ворота и сели в карету, присланную из резиденции младшего наставника, Янь Уши поинтересовался:

— Итак, твое мнение?

Шэнь Цяо нахмурился.

— Судя по голосу, боюсь, что у него давно уже жар печени. Такой продолжительный период сухости губителен. Возможно, долго он не проживет.

<http://bllate.org/book/14532/1287333>